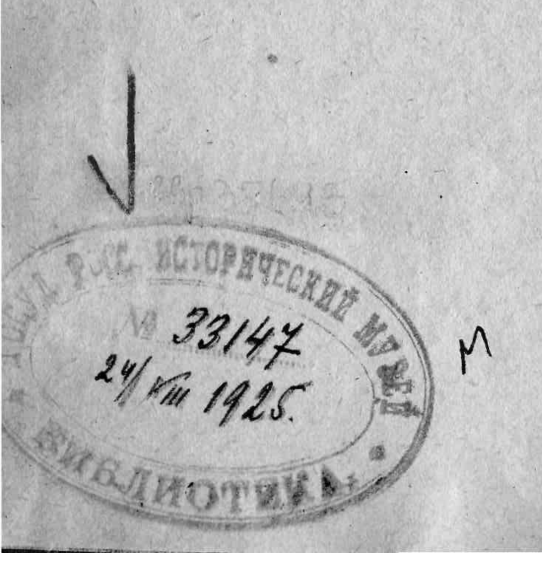

ЛЕВ ТИХОМИРОВ

ПЛЕХАНОВ И ЕГО ДРУЗЬЯ

ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Предисловие и примечания

П. С. ПОПОВА

ЛЕНИНГРАД
«КОЛОС»
1925

Настоящее издание отпечатано в Типографии Первой Ленинградской Трудовой Артели Печатников (Моховая, 40). Ленинградский Гублит № 14322.
Тираж 3000 экз.—2 печ. листа.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Значение Плеханова столь велико для истории русской культуры, а литературная деятельность его, как политического мыслителя, так много дала для развития идеологии русского пролетариата и обоснования марксизма у нас, что в настоящее время приходится дорожить всем, что касается личности этого замечательного человека. Исходит ли такой новый материал от друга или недруга коммунизма,—все, что касается Плеханова, должно быть взято на учет. В этом отношении совершенно прав, напр., Вольфсон, говорящий в своем почтенном труде о Плеханове, вышедшем в нынешнем году, что «появлению настоящей достойной книги о Плеханове должна предшествовать полоса собирания, разработки и систематизирования материалов».

Но не только с этой общей точки зрения приходится обратить внимание на очерк личности Плеханова, составленный Тихомировым. Народоволец и революционер Тихомиров, впоследствии перешедший на сторону русского правительства и ставший идеологом самодержавия, в молодых годах был близко

знаком с Плехановым. Кое в чем его воспоминания являются первоисточником. Поэтому его очерк должен войти весьма заметным ингредиентом в такие книги, как вышеназванный труд Вольфсона. Обычно имя Л. Тихомирова в изложении истории «Земли и Воли», «Народной Воли» и при описании образования группы «Освобождение Труда» упоминается или мимоходом или с очень резкой отрицательной аттестацией. Это более, чем понятно. Личность Тихомирова с революционной точки зрения подлежит несомненно вполне отрицательной оценке. Идеолог самодержавия и, вместе с тем, «ренегат» мог вызывать только неприязненное чувство у своих прежних друзей из революционного лагеря [1]). Но неправильно было бы в связи с этим преуменьшать роль его, когда он шел заодно с своими передовыми товарищами. В этом отношении его современники и позднейшие историки оценивают обычно двойственно его личность. С одной стороны мы постоянно находим страстные отрицательные характеристики Тихомирова, но, с другой стороны, исторически несомненно, что в свое время он играл очень выдающуюся роль и стоял в центре революционных событий. Приведу следующие отзывы: *Тун* называет его «главным руководителем всех террористических предприятий» с 1878 г. и, перечисляя далее «замечательнейших личностей революционного движения», называет в первую голову Тихомирова «про которого Желябов говорил, что он неуловим, как иголка на дне морском». (Истор. револ. движ., пер. В. Засулич и др., стр. 225, 299). *Дейч* именует его главарем «Народной Воли» (За полвека I, 116). *Аптекман* признает, что в 1879 г. «звезда Тихомирова, как идеолога революции, поднималась все выше и выше, его весьма охотно слушали, читали, преклонялись пред ним» (*Черный передел*, стр. 63). *В. Фигнер* говорит о нем так: «Лев Тихомиров—наш признанный идейный представитель, теоретик и лучший писатель». (Запечатленный труд, I, 243). По поводу издательской деятельности «Народной Воли» *Лавров* дал такой отзыв: «Уж если Тихомиров взялся за это дело, так будьте уверены,—журнал будет иметь успех»; сам *Плеханов* (в своей статье «Неизбежный поворот») назвал Тихомирова «вождем народовольцев», а в *Искре* 1903 г. называет его, как «одного из самых влиятельных — вернее сказать, самого влиятельного из народовольцев того времени». Наконец, по мнению *Зиновьева* Тихомиров — самый блестящий деятель «Народной Воли» и лучший писатель этой организации. (Зиновьев. История Р.К.П., 1923, стр. 37). И в свое время больше всего Тихомиров ценился, как писатель, главным образом — как публицист. Крупный литературный талант Тихомирова несомненен, недаром им так дорожило впоследствии русское правительство.

[1]) Может быть наиболее рельефно и ярко это чувство выразилось в следующих строках *Веры Засулич*: «Вот уже 2 ночи, как я прочла его (Тихомирова) ответ и от злости спать не могу. Нет, что и говорить, ему обеспечено место в министерстве, и такого злого врага еще не было у радикалов, каким будет он... Это чистейший Катков по злости, только в 10 раз глупее и описывает нравственное и умственное падение революционеров не своими словами, а заимствованными из повестей «Русского Вестника». Да и пяток у него, *наследственного монарха, главы православной церкви*, Катков никогда до такой степени не вылизывал. И ведь не похоже, чтобы с ума сошел: тон спокойный, и логика оставляет его лишь когда заговорит о самодержавии (из письма к Кравчинскому 1888 г., *Группа «Освобождение Труда»*, I, стр. 206).

Напомним читателю вкратце его биографию. Лев Александрович Тихомиров родился в 1850 г.; его отец был военным врачем в чине полковника. Приняв участие в революционном движении, Л. А. был судим по процессу 193-х; в конце 1878 года он вошел в организацию «Земли и Воли», принимал деятельное участие в Липецком съезде, был также на Воронежском съезде и стал видным членом Исполнительного Комитета Народной Воли, принимая участие в событиях 1881 г. Эмигрировал в 1882 году; живя под Женевой, он стал редактором «Вестника Народной Воли» и поддерживал связь с оставшимися в России народовольцами. В 1888 году он опубликовал брошюру «*Почему я перестал быть революционером*», в которой, между прочим, писал: «Революционный период моей мысли кончился и отошел в вечность. Я не отказался от своих идеалов общественной справедливости. Они стали только стройней, ясней. Но я увидел также, что насильственные перевороты, бунты, разрушение, все это болезненное создание кризиса, переживаемого Европой не только не неизбежно в России, но даже мало возможно. Это—не наша болезнь» (стр. 14). Книга вышла в свет в начале августа 1888 г., а уже 10-го числа этого месяца состоялся письменный доклад царю с приложением брошюры, причем Александр III написал: «это утешительный факт. Что предполагаете вы ему ответить. Отталкивать его не следует, он может пригодиться». Получив после этого возможность вернуться в Россию, Тихомиров вскоре стал сотрудничать в «Московских Ведомостях», а с 1909 года он сделался редактором этого монархического органа; в своей декларации в связи с принятием на себя руководства газетой Тихомиров прямо заявил: «В области политической, для нас, после революционного потрясения всех основ национальной жизни, более, чем когда-либо является необходимым предостеречь и оборонять все к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества,—как гласит присяга». Тихомиров, однако, не имел успеха в придворных сферах; министр внутренних дел Маклаков негодовал на то, что Московские Ведомости с Тихомировым во главе критикуют министерские законопроекты, и с 1-го января 1914 г. контракт с Тихомировым был расторгнут. После революции 17 года Тихомиров ведет уединенный образ жизни, переезжает в Сергиев Посад и там скромно доживает свой век; уже после 1918 года, т. е. после смерти Плеханова, был им написан предлагаемый ныне вниманию читателей очерк «Плеханов и его друзья», составляющий одну тетрадку на ряду с другими его воспоминаниями. Умер Тихомиров 16 октября 1923 г.

В его писаниях послереволюционной эпохи отмечается новая черта. Для него все как бы удалилось в прошлое. Он умеет подчас возвыситься над этим прошлым. Тихомиров не оставил своих националистических и религиозных взглядов реакционной поры. Но всякая напряженность тона отпала. От памфлетов не осталось и следа. Он словно отдался теням прошлого (на тетради, включающей очерк о Плеханове, и стоит заголовок *Тени прошлого*) и старался правдиво изобразить пережитое и былые картины жизни. Это выгодно отмечает писания Тихомирова последних лет, тут роль критика и аналитика писаний Тихомирова до некоторой степени упрощается.

Он, например, сумел очень высоко оценить того же Плеханова, отдавая ему должное; такова же оценка и друзей Плеханова, напр.,—Веры Засулич; тон у Тихомирова мягкий, и он подчас умеет подняться над страстностью пережитой борьбы и описывает многое беспристрастно. Разумеется, это не значит, что в писания Тихомирова не нужно вводить коррективов. Прежде всего, многие даты у Тихомирова не точны, иногда спутаны и события, что объясняется отчасти тем, что он жил вдали от книгохранилищ, и богатая литература последних двух лет по истории общественных и революционных движений в России осталась им неиспользованной. Марксизм продолжает быть его закоренелым врагом, и это все время надо иметь в виду, чтобы правильно учитывать его мемуары. Иногда Тихомиров как будто хочет затушевать то, что в свое время проходило очень бурно и страстно, иногда он хочет выпрямить линию своего поведения и отношения к людям. Тут тоже нужно быть зорким, чтобы все правильно истолковать. При первом опубликовании материалов нельзя сразу все точно расценить, поэтому в дальнейшем я ограничусь примечаниями к тексту очерка, где я буду приводить описание тех же фактов, о которых говорит Тихомиров, в освещении других свидетелей и авторов. Некоторые свидетельства будут вносить корректив, другие—будут прямо противоречить, третьи будут подтверждать рассказ Тихомирова. Пока этого достаточно для ориентировки читателя. Пусть ученые специалисты по Плеханову впоследствии подведут окончательный итог. Получится, разумеется, и обратное—кое-что очерк Тихомирова с своей стороны исправит или даже вовсе отвергнет. У нас, благодаря богатой литературе

по Плеханову, выработалась некоторая ткань повествования о его деятельности, переменах взглядов, внутренних сдвигах и отношениях к окружавшим людям. Кое-что из рассказа Тихомирова войдет углом в эту схему и произведет известную перестановку. Ведь многое остается в отношении к Тихомирову обостренным в связи с его ренегатством. Эта страстность, напр., чувствуется у современника и сотоварища Плеханова и Тихомирова —*Аптекмана.* В своем очерке о Плеханове он пишет: «сотрудничество в «Земле и Воле» не принесло Плеханову душевного мира. Оно, можно сказать, отравило его существование. Почему? Он в коллегии столкнулся с Тихомировым, человеком совершенно другого закала. Поверхностный популяризатор, совершенно беспринципный, он тормозил работу Плеханова, стоял у него на пути. Они не выносили друг друга, и начались трения и какие-то,—стыдно даже упоминать об этом,—интриги подсиживания. Тихомиров гибок, изворотлив, как налим: возьмешь его за голову, а он хвост подставляет и ускользает нередко. Плеханов же—прямолинеен, как прямолинейна его мысль. Совершённо различные индивидуальности». (*Аптекман.* Плеханов, 1924, стр. 26).

Этот отзыв продиктован, конечно, прежде всего горячею неприязнью к Тихомирову и благорасположением к Плеханову. Последнее тоже очень понятно, если иметь в виду, что это один из самых выдающихся русских людей конца XIX века. Но, если говорить о некоторых индивидуальных чертах Плеханова, особенно в редакторских делах, то в образ Плеханова надлежит внести и другие штрихи. Вспомним недавно опубликованную статью *Ленина* касательно работы в знаменитой «Искре» в период

1900 г. (см. в Ленинском сборнике статью *Ленина* Как чуть не потухла «Искра»). По мнению Ленина «Г. В. проявлял всегда абсолютную нетерпимость и нежелание вникать в чужие аргументы, и притом неискренность, именно неискренность»... «Г. В. Плеханов абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей, вины» (34). «Г. В. не стесняется господствовать во всю и не очень-то церемонится с нами» (38), «его обращение оскорбительно» (39), «это была такая грубая угроза, так плохо рассчитанное запугивание» и т. п. (44). Великому человеку многое прощается, но история не признает иконописных ликов. У Плеханова с Тихомировым многое могло быть обостренным в период совместной работы. Нет однако никаких оснований считать, что Плеханов всегда был прямолинеен в своих отношениях к людям. Страстность порождала и враждебные чувства. Время стирает эти аффекты. Страсти перегорают и, может быть, как таковые становятся неинтересными в истории, поучительно же вскрыть объективный ход явлений. И тут Тихомиров открыто признает чрезвычайную чуткость и прозорливость Плеханова. В своем очерке (стр. 34) Тихомиров свидетельствует, что «Вестник Народной Воли» ставился на почву компромиссную. Плеханов же хотел ясности идейной. Столковаться с ним было невозможно и к «Вестнику Народной Воли» он не примкнул. По мнению Тихомирова это было, конечно, очень умно и показывало в Плеханове большую проницательность в отношении революционных запросов времени; для революции единственным убежищем была только *пролетарская* почва. Плеханов и стал на нее, выступив с чисто социал-демократической программой. Таково

признание Тихомирова. Теперь всякий согласится, что именно с этой точки зрения существенно оценить весь эпизод 1883 г. с основанием группы «Освобождение Труда». В этом отношении предлагаемый очерк Тихомирова составит хорошую параллель и к опубликованным в текущем году письмам его к Лаврову того же 83 года (см. *Группа «Освобождение Труда»*, сборник № 1, стр. 245—255). Тут скорее интересные в отдельных деталях коментарии почтенного представителя группы «Освобождение Труда» Л. Г. Дейча могут показаться слишком переносящими центр тяжести на почву личных столкновений, стычек и интриг. В этом отношении несомненно кое-что подлежит отводу [1]). В связи с этим редакцией «Про-

[1]) Чтобы не быть голословным, приведу три примера. 1) Вряд ли прав Дейч в своем негодовании, что 3 августа 1883 г. в письме к Лаврову Тихомиров осведомляется о мнении Ошаниной касательно статьи Плеханова, причем Дейч предполагает, что это делалось для того, чтобы *одурачить старика Лаврова*, п. ч. ее (Ошаниной) мнение ему (Тихомирову) уже было хорошо известно (сбор., стр. 245 и 253). Ведь сам же Дейч в письме к Аксельроду от 1 авг. того же года (стр. 179—181) писал, что перед самым отъездом Ошаниной в Париж, он, ища повода, чтобы порвать с народовольцами, настраивал ее агрессивно против статьи Плеханова. Что же удивительного в том, что Тихомиров осведомляется хотя бы вновь о мнении Ошаниной и вообще вновь поднимает все дело о статье Плеханова, если к тому же по письму Плеханова к Лаврову, опубликованному Дейчем же, ясно, что как раз в первых числах августа Плеханов толковал о своей статье с Тихомировым (письмо с почтов. штемп. 1/VIII 83 г. см. *Дейч*. Плеханов; вып. I, стр. 99).

2) В «Пролетарской Революции» (№ 8 (20) за 23 год, стр. 46) Дейч писал: «Чистейшей неправдой является также утверждение Тихомирова, будто мы стремились *«разорвать»*. Такого желания ни у кого из нас не было, как это будет для всякого очевидно из моих писем к П. Б. Аксельроду, от того

летарской революции» и было дано правильное разъяснение о том, что нужно иметь прежде всего в виду те существенные теоретические разногласия, которые были между редакцией «Вестника Народной Воли» и стоявшей на почве научного социализма группой Плеханова (по поводу статьи Дейча о книге Аксель-

времени, которые тоже постараюсь вскоре опубликовать». На самом деле теперь, когда эти письма оказались опубликованными, *всякий* может прочесть следующие строки, писанные самим Дейчем в 83 году: «Ну и бог с ними (т. е. с Ошаниной и Тихомировым—П. П.) нам бы теперь хотелось поскорее с ними *развязаться*, т. е. даже литературного участия не принимать в их журнале» (сборн., стр. 179). Тихомиров был абсолютно прав, когда писал: «Я вообще вывожу такое заключение, что они (т. е. Плеханов и гл. обр. Дейч—П. П.) теперь (после разговора с Мариной Никаноровной) прямо ищут разрыва (сборн., стр, 248; письмо Дейча от 27 июля, Тихомирова—от 6 авг.)—ведь сам Дейч в другом месте пишет: «Тогда мне пришла мысль добиться, чтобы сама редакция отказалась принять эту статью. Поэтому я сказал Ошаниной, что статья уже одобрена Тихомировым и Лавровым». («*Прол. Рев.*», 20, стр. 46).

3) Дейч пишет: «далее сознательной *неправдой* являются такие заявления Тихомирова «*что касается всяких прочих уступок*», потому что, повторяю *весь* сыр-бор загорелся из-за *одного единственного* нашего требоваиия и *больше—ни единого*». (*Пролет. рев.*, стр. 45; то же в *сборнике*, стр. 254). Опять-таки сам же Дейч писал Аксельроду; «они принуждены будут сделать требуемые нами уступки» (стр, 166)—*уступки*, а не *уступку*, как теперь кажется Дейчу—п. ч., например, помимо условия вхождения в Нар. Волю группой он писал в том же письме Аксельроду: «Мы оставляем за собой право, когда найдем нужным и возможным, публично выступить в качестве самостоятельной группы с таким названием, какое пожелаем» (ibid., стр. 165).

Очень рельефным показателем того, что Дейча нельзя всегда считать объективным в изложении событий, связанных с историей возникновения группы «Освобождение Труда», могут служить статьи с возражениями против Дейча Веры Фигнер,

рода, 1923, № 10, стр. 200; сопост. *Дейч*. Первые шаги группы «Освоб. Труда», стр. 16). Впрочем, для большей объективности впечатления в соответствующих примечаниях, как уже сказано, будут даны и pro и contra.

Павел Попов.

P. S. Эта книжка была сдана в печать в августе месяце 1924 г. С тех пор вышло много материалов и работ по Плеханову, которые представляют интересные дополнительные данные для комментирования очерка Тихомирова. Достаточно упомянуть труд Тер-Ваганяна. К сожалению, вся эта литература теперь не может быть использована, поскольку книжка уже набрана. Следует особо упомянуть опубликование дневников Тихомирова в «Красном Архиве», т. VI, вышедшем 15 февраля 1925 г.; стр. 131—134 и 141 представляют пареллель к предлагаемому очерку. Это сжатый эскиз того, что в нашем специальном очерке о Плеханове представлено Тихомировым в развернутом виде.

7/v—25 г. *П. П.*

Прибылевой-Корба, Чернявской-Бохановской и Прибылева, опубликованными в последнем номере «Былого» (№ 25, стр. 280 и след.). О том, что Дейч неверно оценивает отношения Тихомирова, могут, напр., свидетельствовать следующие слова Корба-Прибылевой: «В конце своей статьи на многих страницах Дейч силится доискаться причины озлобления или ненависти к нему Тихомирова. Это напрасно. Никакой злобы никто в комитете не питал против него. Отношения к нему, правда, были очень далекие, а это одно исключает возможность сильных чувств». Далекими эти отношения сложились вследствие бездеятельной жизни некоторых эмигрантов заграницей в то время, как народовольцы надрывали свои силы в борьбе с правительством (285).

I.

В настоящее время трудно вполне определить значение Георгия Валентиновича Плеханова в истории русского социализма. Это значение во всяком случае чрезвычайно велико. Но в этих беглых воспоминаниях я не беру на себя таких задач, как историческая оценка событий. Мое дело гораздо скромнее. Я зарисовываю только образы лиц и контуры отдельных происшествий, как все это сохранилось в моей памяти.

С Плехановым я познакомился в 1878 г. Он был студентом Горного Института, но в это время, кажется, уже покинул его и отдался исключительно революции, во всяком случае он не кончил курса [1]).

По происхождению своему, как потом рассказывал—он сын помещика, разорившего себя беспутной жизнью. Семейная обстановка Плеханова была весьма безобразная, такая, что, как он сам выражался, «выйти из такой обстановки мог только червонный валет или революционер». Из него вышел революционер: честная натура не заразилась безобразием, а протестовала против него, против всего этого пьянства, разврата, низших животных инстинктов [2]). От этого отеческого наследия у него осталась, может быть,

только одна скверная черта его: болезненная раздражительность самолюбия. Когда задевали эту фальшивую струну, он делался не похож сам на себя, не только бесился до потери самообладания, но делался жесток, зол, несправедлив, возводил на обидевшего его самые гадкие подозрения, и—удивительно, что он, в эти припадки раздражения, никого не убил [3]). Это легко могло случиться. Но—оставляя в стороне такие печальные и постыдные минуты—Плеханов был очень хороший и безусловно честный человек. Никакая грязь первоначального воспитания не пристала к нему. Он даже если иной раз и любил выпить с товарищами, то не больше, чем всякий другой. Никакой привязанности к хорошей обстановке, никакого искания вкусных явств, даже погони за деньгами—ничего этого у него не было всю жизнь. Жил он бедно, и не заботился об этом. Уже в 1878 г., когда мы познакомились, он сошелся с одной студенткой, Розой Боград и прожил с ней весь век [4]). Никогда я не слышал о какой-нибудь его интриге с женщинами, и уверен, что ничего подобного не было. Он жил *идеей* и *делом революции*, которому отдался от юности. Всю жизнь свою он много читал и учился, так что впоследствии обладал в экономическом отношении большими познаниями. Он был также весьма умен, хотя это был ум односторонний, чисто логический. Темперамент у него был живой, деятельный, даже увлекающийся. В разговоре он был чрезвычайно остроумен, часто иронизировал, и остроты его были не смешные, а резкие, колкие, задорные. Он прекрасно говорил, и мог бы быть выдающимся оратором, если бы не слабоватый голос. Но у него здоровье вообще всегда было плохо, вследствие наклон-

ности к туберкулезу, и это отражалось на голосе. В остальных же отношениях он имел все качества оратора: ясность мысли, бойкость речи, остроумие, находчивость в возражениях, постоянный подъем нервов [5]).

В 1878 году он уже давно состоял членом кружка «Земли и Воли», в который я поступил только в конце года. В начале года, сейчас же по окончании процесса 193-х, в Петербурге началось оживленное революционное движение, в котором приняла участие и «Земля и Воля». Целых два месяца (конец 1877 г.) страсти раздувал процесс 193-х, с рядом громких протестов и защитительных речей подсудимых и адвокатов. Сейчас же после того Вера Засулич стреляла в градоначальника Трепова. Ее судили, и присяжные ее оправдали. По закону—оправданную освободили, и хотя прокуратура тотчас же приказала ее снова арестовать, но было уже поздно: друзья увезли ее и спрятали. Все это происходило уже среди манифестаций толпы. Затем, во время демонстрации в честь Засулич, раздался выстрел и оказался убит некто Сидорацкий. Это был революционер, весьма воспаленный и почти сумасшедший. Многие думали, что он сам застрелился. Пуля во всяком случае была не жандармского калибра. Но—в смысле агитационном выгоднее было считать его застреленным. По этому случаю, в память жертвы насилия, были устроены демонстрации. Вообще месяца два в Петербурге шли уличные манифестации и столкновения с полицией. В это время я и познакомился с Плехановым, с увлечением окунувшимся в волнения.

Собственно говоря, *такие* революционные выступления были совсем не в программе «Земли и Воли».

Эта группа была народническая, ее цель состояла в подготовке массовой народной революции с захватом власти и имущества самим народом. Большая часть членов и жила «в народе», а городская группа имела обязанностью лишь снабжать деньгами и всем нужным членов, действующих в народе, да вести пропаганду и организацию среди городских рабочих, да вербовать новых членов. Добывать «конституцию» и работать на это прямо воспрещалось: это и называлось отрицанием политической деятельности. Но городская группа подвергалась всем соблазнам «политической деятельности» и чем дальше, тем больше начинала идти об руку с «радикалами» и «либералами», что в конце концов и подготовило скоро раскол «Землевольцев» на «Народовольцев» и «Чернопередельцев».

Демонстрации по поводу Засулич и Сидорацкого и устраивались сборными революционерами, в значительной степени «либералами». Землевольцы соблазнились тоже помогать этому чисто политическому движению. Плеханов кинулся в него сначала очень горячо. Он произносил речь в толпе, писал прокламации, которые печатались в тайной типографии Земли и Воли. Я его как-то застал за писанием прокламации. Он был очень оживлен, ожидая, что заваривается серьезная революционная каша, что «либералы» расшевеливаются не на шутку, и насмешливо продекламировал по их адресу:

У нашего господина
Разыгралася скотина—
И коровы, и быки,
И дворовы мужики...

Однако революционной каши не заварилось. Либералы «побаловались», да и стихли. Революционеры

тоже видели, что сил мало, и как только правительство начало принимать серьезные меры против демонстраций, они стихли. У городских землевольцев стала назревать мысль о другой тактике, т. е. терроре, уже начавшемся кое где на Юге России. Но Плеханов никогда не увлекался идеей террора, кроме разве «фабричного», да и то не очень. От уличных демонстраций он совершенно отказался, говоря «нет, другой раз (либералы) не надуют».

Нормальным его делом в кружке была отчасти литературная деятельность, главнее же всего пропаганда среди фабрично-заводских рабочих. Для этого (по общему типу организации Земли и Воли, а затем и Народной Воли) был организован особый «рабочий» кружок, которым должен был руководить Плеханов, кажется, единственный член «Земли и Воли», вошедший в этот кружок. Они вели пропаганду, пробовали даже устраивать стачки [6]). Один раз попытали акт «фабричного террора», о результатах чего со смехом сообщил Плеханов. Рабочая группа хотела именно произвести взрыв около квартиры управляющего фабрики, но сделала это очень неумело, не рассчитала ни количества пороха (тогда динамита еще не было), ни расстояния. В результате взрыв был произведен ночью, но совершенно безобидно: он ничего не разрушил, никому не повредил, никого не испугал, потому что даже никого не разбудил, а остался неведом никому, кроме тех, кто его устраивал. Плеханова это, впрочем, ничуть не огорчило. Он только смеялся, что на фабрике никто даже не проснулся. Серьезным делом он считал до поры до времени только пропаганду, да организацию рабочих.

Этим он занимался очень усердно, так что скоро стал известен полиции. Его старались поймать, всюду выслеживали, и на сходках рабочих он несколько раз подвергался большой опасности. Ему пришлось перейти на нелегальное положение, не помню с какого времени [7]), что было совершенно не по его характеру, и очень его утомляло.

Есть натуры беззаботно авантюристские, для которых нелегальное положение с вечным прятаньем, переменой паспортов и квартир, наблюдением за шпионской слежкой, переменой своей наружности и костюмов—все это составляет даже развлечение. Такие люди не тяготятся нелегальностью. Но у Плеханова не было ни искры такого авантюризма. Для него нелегальная игра в прятки составляла только мученье, тяжкое испытание, которое приходилось принимать поневоле, но которое раздергивало его нервы, и давило его вечным камнем. Между тем его товарищи в городской группе Землевольцев все более переходили на террористический путь, вызывая все более строгие меры надзора и репрессии со стороны властей. Это дошло до наибольшей степени, когда Соловьев совершил покушение на жизнь императора Александра II. Соловьев совсем не был членом кружка Земли и Воли. Он действовал в народе, в деревне, особняком, подобно множеству других людей того времени, но разочаровался в смысле такой деятельности, и приехал в Петербург с твердым намерением убить императора. По происхождению он был сын какого-то дворцового служителя, и может быть поэтому мысль об императоре носилась перед ним с особенной живостью. На задуманное им дело он пошел бы все равно, если бы оно и не встретило одобрения со стороны других революционеров. Но Александр Михайлов, бывший руководителем террористической группы Земли и Воли, с радостью схватился за мысль Соловьева и дал ему самую энергическую помощь своей группы, которая, по общему типу организации Земли и Воли, состояла из посторонних лиц, только руководимых членом Земли и Воли. Я не помню, были ли *в то время* в террористической группе еще другие члены Земли и Воли, кроме Александра Михайлова [8]). Баранников (Кошурников) скрывался в Орле. Мойша Зунделевич [9]) занимался установкой контрабандных сношений с заграницею. Другие члены террористической группы (Шмеман, Ширяев [10]), Пресняков) не состояли членами «Земли и Воли». Во всяком случае Александр Михайлов оказал Соловьеву всю поддержку в снабжении оружием, в устройстве слежения за императором и т. п.

Это участие террористической группы в покушении на жизнь императора вызвало истинное негодование в деревенских членах Земли и Воли, некоторые из них нарочно приезжали в Петербург, горячо протестуя, обвиняя городскую группу в узурпации, и требуя прекращения политического террора.

Плеханов вполне разделял это отрицательное отношение к политическому террору, который мешал его деятельности среди рабочих, и в котором он вообще не видел смысла. Это отрицательное отношение к террору, мне кажется, более всего связывало его с деревенскими Землевольцами, которых тогда начинали насмешливо называть «деревенщиками». В идейном отношении он от деревенщиков стал мало по малу отличаться не менее, если не более, чем от город-

ской группы. У него в это время созревал глубокий умственный переворот, который сделал его чистым и последовательным социал-демократом. Тогда среди русских революционеров, можно сказать, совсем не было марксистов, а уж особенно социал-демократов, хотя «Капитал» Маркса уже был переведен. Среди Землевольцев было счетом два социал-демократа. Мойша Зунделевич, бывший, несмотря на это горячим террористом, и—Плеханов. Плеханов пришел к социал-демократизму не сразу, но идеи Маркса завоевали его, как только он с ним познакомился. [Должен заметить, что он вовсе не «попал под влияние» Карла Маркса. Это было бы не точное выражение] *). Он еще не зная теории Маркса, самостоятельным процессом размышления пришел к заключению, что человеческие отношения зиждутся на экономических основах, и даже полагал, что это его собственная, самостоятельная идея, своего рода открытие. Когда он познакомился с «Капиталом», его поразило то, что эта его идея оказалась уже развитой в стройную теорию, и он стал сразу убежденным марксистом.

Но недостаточно иметь такую общую теоретическую основу. Нужно еще продумать, в какой программе деятельности она должна быть осуществлена? И вот именно эта идея глубоко занимала Плеханова в то время, когда его товарищи постепенно все более разделялись на противоположные фракции «террористов» (будущих «народовольцев») и «деревенщиков» (будущих «чернопередельцев»). Плеханов не принадлежал ни к одному из этих течений мысли и деятельности, и стоял на третьем пути—искания такой программы, в которой осуществлялась бы идея чистого экономизма. Это было *искание*, и оно поглощало весь ум Плеханова, так что он в это время в сущности не годился ни для какой практической деятельности. Кратковременное увлечение политическими демонстрациями было только последней данью юношескому революционному периоду жизни. Народнические идеи еще не вытравились в нем, но он уже не находил для них ясного теоретического оправдания. Напротив, явились серьезные сомнения в социалистичности русского крестьянства. При таких условиях становилась беспочвенна и пропаганда среди рабочих: что им говорить, куда направлять? Все это нужно было обстоятельно передумать. А между тем, среди революционной толчеи, скрываясь от полиции, невозможно было даже серьезно заняться той теоретической работой, которая теперь для него составляла главнейшую нравственную потребность.

Конечно, по совокупности этих причин он скоро эмигрировал заграницу.

Когда это было—я не помню. Не то в конце 1879, не то в начале 1880 года [11]). В страстных спорах, приведших к разделению «Земли и Воли» на «Народовольцев» и «Чернопередельцев», Плеханов не принимал сколько-нибудь заметного участия [12]). Окончательное распадение «Земли и Воли» произошло в последние месяцы 1879 года, а в январе 1880 года орган «деревенщиков»—«Черный Передел», типография и ряд членов группы были захвачены полицией [13]). Мне кажется, что в этот момент Плеханов был уже заграницей, и оттуда прислал статью в «Черный Передел», но не ручаюсь [14]). Он во всяком случае сна-

*) Зачеркнуто автором.

чала примкнул к группе «Черного Передела», как и социал-демократ Аксельрод. Почему? Может быть, они рассуждали также, как Мойша Зунделевич у Народовольцев. Он насмехался над их программой. «Зачем же ты присоединился к нам»? спрашивали его. «Я социал-демократ, но считаю необходимым политический террор. Куда же мне присоединиться? Вы, с вашей программой—дураки. Но не останетесь же дураками навсегда? Прийдете и вы к социал-демократической программе. А пока—я с вами схожусь на главном—на терроре». Точно также Шмеман сошелся с городскими землевольцами на терроре, откровенно заявляя, что он чистый конституционалист, и всю остальную программу землевольцев считает вздорной.

Плеханов, наоборот, *тогда* был против террора и потому соединился с Чернопередельцами, конечно, уверенный, что они со временем станут марксистами.

Заграницей Плеханов мог, наконец, отдаться серьезной теоретической работе, и работал он очень много, не только первое время, а всю жизнь. Он очень скоро усвоил строгую доктрину экономического материализма и программу немецкой социальной демократии. Я думаю, что у нас не было другого так строго и последовательно мыслящего социал-демократа, как Плеханов. С течением времени и знания его в этой области стали очень обширны, так что его можно назвать даже ученым. Даже и в Германии не многие социал-демократические писатели могли бы сравниться с ним по обширности знаний и стройности мысли.

Но относительно ума и вообще способностей Плеханова нужно сделать серьезную оговорку. Он вообще был очень умен, но его ум был сухой, положительный, так сказать материалистический. Он понимал

только то, что можно взвесить, измерить и потому то теория экономического материализма так пришлась ему по душе. Самостоятельной силы начала духовного и нравственного—он не представлял себе, и сложность человеческого существа для него была чужда. Он не интересовался ни философией, ни искусством [15]). Вообще я скажу, что он был просто *умен*, но у него не было ни искры *гениальности*, непосредственного проникновения в самую сущность явлений. Это отражалось и во всей работе его мысли. Силлогизм распадается на три момента: установку *большой посылки*, установку *малой посылки* и произведении *вывода*. Плеханов был силен в производстве *вывода*, который делал с блестящей логичностью. Но в установке посылок он был слаб, тогда как гениальность ума выражается именно в установке посылок, особенно большой. Логичность выводов требует, конечно, способностей, но это уже не творческие способности, а служебные. Творческих способностей у Плеханова именно и не было. Он много учился, много знал, но все, что ум его воспринимал, впитывал и перерабатывал—относилось только к одной идее экономического материализма. Он воспринял идеи Карла Маркса умно, глубоко, сделал из них те выводы, которые сделаны немецкой социальной демократией, и это для него было непреложным символом веры—выражением безусловной и единственной истины. Если жизнь вырывалась из этого круга его доктрины, он скорее бы обвинил жизнь, чем свою доктрину, сказал бы, что ошибается жизнь, а не теория. Это отчасти и случилось с ним в максималистскую русскую революцию, которая представлялась ему каким-то абсурдом, потому что совершенно вырыва-

лась из рамок социально-демократической программы. А между тем, это был все таки *факт жизни*, и потому требовал во всяком случае более глубокого анализа причин, по которым *мог возникнуть и победить* все другие течения революции. Это было уже не по его силам.

Говорят, Маркс сказал по адресу своих черезчур логических последователей: «Я по крайней мере не марксист». Вот Плеханов принадлежал к числу тех, которые были более марксисты, чем сам Карл Маркс.

Это, повторяю, был ум не гениальный, не творческий, а только *логический*, очень острый, очень хорошо разбирающийся во всех мелочах и подробностях, тонко усматривающий каждую ошибку в оценке их, но неспособный подняться до критики самых *основ* миросозерцания, большой и малой посылки этого миросозерцания.

Мимоходом сказать, Плеханов никогда не видел лично К. Маркса. Он очень часто думал проехать в Лондон, чтобы познакомиться, и сам мне говорил: «Необходимо повидать старика, а то даже неловко: проповедывать учение Маркса, а самого Маркса не знать». Будь Плеханов побогаче, он бы, конечно, это и сделал, но, откладывая поездку с нынче на завтра, он дождался до того, что Маркс умер. После этого он поторопился поехать хоть к Энгельсу, чтобы не упустить и того. Маркса же так и не видел ни разу в жизни.

Жизнь Плеханова заграницей я знал в течение нескольких лет, в средине восьмидесятых годов. Тогда он постоянно находился в Женеве. Он держался в тесной компании своих друзей, Веры Засулич, Льва Дейча и, конечно, своей жены, Розы Боград. Жил он весьма бедно, отчасти по недостатку средств, отчасти по крайней нехозяйственности [16]).

Собственно без средств он никогда не был. Он всегда имел единомышленников в России, а они не оставляли эмигрантов без помощи. В числе их находился также эмигрировавший Игнатов, обладавший хорошими средствами. Материальное положение Плеханова, полагаю, весьма упрочилось, когда около него организовалась группа «Освобождение Труда», имевшая много изданий, при его сотрудничестве и ближайшем руководстве. Но помимо того Плеханов всегда имел самостоятельный заработок в русских журналах, где писал под разными псевдонимами *). Тем не менее средств у него было очень немного, а распоряжаться ими не умел ни он, ни его жена.

Роза Боград в то время была какая то вечная студентка. Она училась еще в России, училась и в Женеве все время, что я знал ее. В конце концов она, понятно, окончила свой курс (медицинский), но тянулись ее учебные годы почему то очень долго; может быть она меняла специальности, не знаю. Только это происходило не от недостатка способностей. Она была очень неглупа и способна. Между прочим, судя по карточкам, она в ранней молодости должна была быть прямо красавицей, хотя однажды и сказала, на мое об этом замечание—«я никогда такой не была». В то время, когда я ее знал, она уже порядочно поблекла, но черты лица сохраняли правильность и интеллигентность. Плеханову она была плохой помощницей. Погруженная в свои лекции, она не за-

*) В дополнение к Тихомирову приводим здесь перечень главнейших псевдонимов Плеханова: Валентинов, Г.; Симплициссимус; Волин, А.; Утис: Кузнецов, Д.; Ушанов, С.; Бельтов, Н.; Б—в, Н.; Бочаров, П.; Каменский, Н. Кирсанов, А. и Андреевич, Н.

нималась домашним хозяйством. Жили они бедно и беспорядочно. Квартира была и тесна и очень грязна, мебель весьма жалкая. Ели они «по студенчески», кое как, что придется.

И в то же время эта жизнь обходилась им вдвое дороже, чем стоила. В лавочках на них насчитывали лишние деньги, и писали в заборных книжках неимоверное количество продуктов. Между тем Женевские торговцы старались сохранять репутацию добросовестности, и им нужно было очень твердо убедиться в невнимательности и безответности клиентов для того, чтобы решиться так бесцеремонно их грабить. Об этом среди Женевских эмигрантов рассказывались целые анекдоты.

Сам Плеханов менее, чем кто либо мог возместить бесхозяйственность своей жены. Он был погружен вечно в чтение, должен был много писать для заработка, а он писал не пустячки, не корреспонденции, а серьезные статьи, которые требовали большой работы. Нужно еще прибавить разные знакомства и сношения со множеством лиц, чего неизбежно требует политическая деятельность. Тут не до занятий хозяйственными хлопотами, если бы он и был к ним способен. Но Плеханов и по самой натуре не обращал никакого внимания на материальную обстановку. Единственным деловым человеком в их компании был Дейч, но и то собственно в смысле добывания средств, а не в смысле хозяйства. Притом же Дейч и Засулич (они состояли в супружеских отношениях) жили на своей особой квартире.

Единственным лучом роскоши у Плеханова были книги, да и то слабым, потому что их было немного—полок пяток. Но книги эти были ценные, серьезные, хорошо подобранные, разумеется—все экономического содержания. Плеханов тратил на книги последние деньги, и очень гордился своей «библиотекой», как он несколько преувеличенно называл эти сотни полторы книг. Они у него были даже в хороших переплетах.

В среде эмигрантов Плеханов и его друзья стояли первое время довольно уединенно. В 80-е годы эмигрантский мир состоял из обломков прежних групп—«Общины» Элпидина, «Набата» Ткачева, «Вперед'а» Лаврова, и массы просто «эмигрантов», никуда специально не примыкающих. Все эти остатки прежних деятелей тянулись тогда к «Народной Воле». Народовольцы были героями времени, и их значение в России (скоро ставшее весьма ничтожным) за границей фантастически преувеличивалось. Другой сильной группой были Драгомановцы, «украинцы». Драгоманов издавал «Громаду», а потом и «Вольное Слово». Но Плеханов терпеть не мог украинства. Он был «всероссиец», русский унитарист, и считал украинство реакционным и вредным [17]). Помню, как то бранил он Шевченко (которого, конечно, не мог понимать, п. ч. по малорусски не знал). Я заступился за Шевченко, которого поэзию всегда любил. Плеханов, полушутя, заметил: «Если бы Шевченко *не знал* по русски, я бы ничего против него не имел. Но он сам написал, что знает по русски, но не хочет говорить: вмию, та не хочу. Ну, вот я его за это и не терплю». С Драгомановцами Плеханов и его друзья не имели ни малейших сношений.

С народовольцами он уже расходился принципиально, не только из за террора, но и из за путанности самой программы, потому что он в это время

уже стал чистейшим социал-демократом. Если бы народовольцы были просто конституционалистами, он бы ничего против них не имел. Но они называли себя «социалистами и народниками», т. е., с точки зрения Плеханова, только мешали правильному пониманию социализма. К народничеству же он уже относился только с ядовитой насмешкой. Как то заговорили мы о Дебагорий-Мокриевиче... «Как же, заметил Плеханов, тоже и Дебагорий называет себя социалистом! А что он понимает под социализмом? Щоб у хліборіба був свій участочек, була бы пасичка... Он воображает, что это социализм».

Когда я приехал заграницу, Дейч пытался сблизить через меня народовольцев с Плехановцами. Дейч был тогда гораздо менее определенных взглядов, чем Плеханов, сохранил много умственных привычек народничества, и ему сближение не представлялось столь невозможным. Идейную же неуступчивость своего друга он знал очень хорошо. И вот он увел как-то меня от Плеханова яко бы прогуляться... Впрочем мы и действительно гуляли, дошли до озера, и ходили по длинному низкому jetée, по молу, отделяющему озеро от реки. Была чудная погода, справа сверкало лазурное Женевское озеро, уходя как будто в бесконечность, слева колыхалась гладкая поверхность вод, отгороженных молом, и виднелась Рона, а над ними разверзались голубые небеса, залитые ярким солнцем. В этой поэтической обстановке Дейч развивал мне свои соображения о том, что нам надо соединиться, о том, как это увеличит наши силы и материальные средства, которые будут привлечены совместными изданиями. Все это было правильно, и беда только в том, как соеди-

няться при различии взглядов? Народовольцы совершенно не были социал-демократами и даже теории Маркса не принимали. Тогда господствующей идеей в массе народовольчества было то, что действия людей обусловливаются психологическими состояниями, а не экономическими условиями. Эта отвлеченная идея была связана с верой в революцию, которой хотели, но которая в России, казалось, ничуть не вытекала из экономических условий. Социальная демократия не возбуждала никаких симпатий. Плеханов же поднял, несомненно против течения, социал-демократическое знамя.

Ничего, разумеется, из наших разговоров с Дейчем не вышло [18]).

В это время, т. е. в 1882 г., назревало издание журнала «Вестник Народной Воли». Лавров, в сущности ум эклектический, не затруднился стать редактором его (вместе со мной). Сотрудничество было охотно предложено и Плеханову [19]). Народовольцы имели системой привлекать к себе, и объединять около себя всевозможные силы, легко поступаясь оттенками мнений, и довольствуясь тем, что данная личность согласна на политический переворот. Но за то Плеханов вовсе не желал, — и, с своей точки зрения, не имел для этого никаких оснований — поступаться никакими оттенками мысли. Так журнал— очень легко постановил *не призывать* к террору. Этого хотел и Лавров... Я же был лично совершенно против террора и считал его уже гибельным для революции. Но говорить *против террора* — это значило бы восстановить против себя всю террористическую часть народовольчества, весьма сильную. Этого журнал не мог допустить по-чисто практиче-

ским соображениям. Точно также—легко было согласиться не воевать против марксизма, тем более, что Лавров выражал Марксу глубокое почтение. Но *проповедывать* марксизм, как идейную основу, было совершенно немыслимо в целях объединения сил. Таким образом журнал заранее ставился на почву компромиссную. Плеханов же хотел ясности и разности идейной. Столковаться с ним было невозможно, и к «Вестнику Народной Воли» он и его друзья не примкнули» [20]).

Это было, конечно, очень умно и показало в Плеханове большую проницательность в отношении, так сказать, революционных запросов времени. В течение 80-х годов, когда в России видимо воскресла национальная идея, а правительство очень умно и твердо стало на националистический путь, для революции единственным убежищем (и очень не плохим) была только *пролетарская* почва. Плеханов и стал на нее, выступив с чисто социал-демократической программой. Сил и средств для этого у Плеханова сначала было очень мало, но, по причине правильно взятой линии поведения, они непрерывно росли, и стали, наконец, огромными в то время, когда народовольчество превратилось в простую тень прошлого.

В 1882 г. у Плеханова, кроме упомянутых друзей его, были еще Аксельрод и Василий Игнатов. Аксельрод—полезная литературная сила социал-демократического направления. Игнатов же обладал в России довольно значительными денежными средствами. Не знаю, в какой мере он их успел переправить заграницу, но во всяком случае он должен был составить большую опору для новой группы, образованной Плехановцами. Лично Игнатов, бывший землеволец и

народник, был очень симпатичен, натура искренняя, верующая, преданная делу. Но он был физически слаб, кажется, чахоточный и скоро умер (в 1885 г.). На первое время он, конечно, все таки был очень ценен для новой группы [21]).

Эта группа—«Освобождение Труда» с чисто социал-демократической программой, явилась в том же году, как вышел и «Вестник Народной Воли», т. е. в 1883 году. С этого момента Плеханов выступил в политическом действии уже самим собой, вполне сложившимся и самостоятельным. Свое отношение к народовольцам он выражал и печатно, признавая их заслуги по борьбе с самодержавием, но определяя их общие политические воззрения, как *реакционные*. Отношения же его к наличным представителям народничества сводились уже только к личному знакомству.

Реакционность народовольчества, по Плеханову, состояла в народничестве, т. е. в своего рода национализме. Единственным носителем социальной революции для него являлся фабричный пролетариат, который, однако, может произвести социальную революцию лишь тогда, когда созреет вполне, а до тех пор должен организоваться, вести борьбу за улучшение своего положения, и—вместе с буржуазией, добиваться свободного государственного строя.

Впрочем взгляды Плеханова общеизвестны. Из личных же воспоминаний прибавлю только, что он, приняв во главу прогресса рабочий пролетариат, стал уже в то время относиться к крестьянам чуть не с отвращением. «Раз как то, рассказывал он мне, проходил я за городом, и вижу—из леса вышла группа крестьян (французских). Я невольно загляделся. Что за типичные фигуры: скрюченные, руки и ноги ка-

кие-то изогнутые! Они мне совершенно напомнили стадо горилл или оранг-утангов». Вот как далеко ушел Плеханов от своего прежнего народничества, когда он и городских рабочих ценил только потому, что они крестьяне. Теперь для него это сделался самый реакционный класс, не играющий ни прогрессивной роли капитализма, ни прогрессивной роли пролетариата.

Роль Плеханова, как проповедника и организатора русской социал-демократии выходит за пределы моих воспоминаний. Относительно же характера его замечу еще, что он был крайне нетерпим. Он совершенно не понимал многогранности истины, и всякий, кто думал несогласно с ним—был в его глазах человеком безусловно заблуждающимся. «Нет бога, кроме бога, и Магомет его пророк», нет истины кроме экономического материализма, и Маркс ее пророк [22]). Эта узкая нетерпимость придавала такой неприятный характер его полемике, большею частью резкой, обидной, чуждой беспристрастия, и как будто пропитанной убеждением в своем превосходстве. Впрочем, эта нетерпимость проявлялась у него нередко и в личных отношениях, особенно в столкновениях с людьми «маленькими». Это я говорю совершенно беспристрастно, так как ко мне лично он всегда относился с признанием равноправности и даже с редкой для него уступчивостью [23]).

Другие члены его компании были, во многих отношениях, гораздо симпатичнее. Особенно это должно сказать о Вере Ивановне Засулич. Я ее узнал только заграницей, и странно было подумать, что такое доброе и кроткое создание могло стрелять в генерала Трепова. Она имела уже пожилой вид, со

смуглым, нездоровым цветом лица, неправильными чертами, вообще некрасивая, но с замечательно приятным и добрым выражением. Лицо ее постепенно то подергивалось почти судорожной улыбкой, то погружалось в глубокую задумчивость, вообще было очень нервно. Такой-же нервностью, прерывистостью отличалась и речь ее. Стан ее был чужд всякой стройности, она гнулась, сидела скорчившись, и манеры у ней были весьма вульгарны. В добавок и одевалась она невыразимо скверно, в дряннейшие отрепья, нескладно на ней висевшие, вечно грязные. Даже в России немногие кухарки сравнялись бы с ней в этом опрощении, а уж в Европе она составляла, конечно, единственный экземпляр. Иногда она даже ходила босиком.

Раз как то они всей компанией—Плеханов, Дейч, Засулич,—приехали к нам в гости в деревню Морнэ, где жил я с семьей [24]). Это была очень приятная встреча и для них, и для нас, и мы превесело провели время, гуляя по живописным горам и ущельям, которые у нас начинались прямо за дверями нашего дома. Только раз нас сначала напугал, а потом насмешил Плеханов. Видно, что он не был альпинистом и не часто выходил из своей комнаты на лоно природы. Его прельстила одна крутая, живописная скала, и он храбро стал на нее взбираться. На это никто не обращал внимания, потому что—дело самое обыкновенное. Я каждый день карабкался не на такие скалы, и мы с женой возили своего ребенка в колясочке на самую вершину Большого Салева. Но вот через несколько времени со скалы раздался тревожный, нервный голос Плеханова. Он звал на помощь, и кричал, что не может спуститься... Видно

он не знал, что подыматься на скалу гораздо легче, чем спускаться, и не позаботился хоть немножко заприметить путь, которым подымался кверху. Когда он вздумал спускаться назад, оказалось, что везде, куда ни ступи, — обрывы, нога нигде не находила упора. Опасности, впрочем, не было, при такой густой чаще, которая хотя мешала видеть, но всюду позволяла держаться руками. К Плеханову поднялись, помогли спуститься и потом шутили над этим маленьким приключением.

Время все мы провели хорошо, а хозяева нашего дома, Альберт Бэн с женой, даже помогали нам угощать гостей. Но их привела в ужас Вера Засулич своим костюмом, манерами, растрепанными волосами. Они не могли скрыть удивления, что у нас возможны такие знакомые, как «cette fille». Они ее и потом вспоминали, называя не иначе как «cette fille». Но если бы наши M. и M-me Albert Bain поближе узнали «cette fille», она, конечно, завоевала бы и их сердца. Я прямо не помню в ней недостатков. Ни разу я не слыхал от нее каких-нибудь сплетен, пересудов, не помню, чтобы она когда нибудь осуждала, стремилась бы чем нибудь завладеть. Она была весьма умна, начитана, ее мнения были продуманы и хорошо защищены. Но она была в высшей степени скромна, даже как будто не замечала своего ума, и не имела ни одной искры самомнения. Она производила впечатление очень глубокой натуры, не открывающей своего содержания. Но, судя по всему виду, я бы сказал, что она не чувствует себя счастливой, не получила удовлетворения на свои запросы от жизни *).

*) Умерла 10 мая н. с. 1919 г. в Петербурге, от воспаления легких. В № 100 (652) «Известий» Р. и К. д. — хорошая статья о ней Владимира Бонч-Бруевича, правильно характеризующая ее. Автор лишь не касается нравственных ее мучений в последние месяцы жизни. (Прим. автора).

Дейч, конечно, во всех отношениях был ниже ее, но он тоже был хороший человек, ума среднего, но с большой энергией и характером. Он фактически доказал, что способен на убийство (дело Гориновича), но сердце у него было все таки доброе, и он способен был горячо привязываться. О всей своей компании он заботился с нежностью доброго папаши. В общем его натура была грубовата, чужда тонкостей, он совсем не походил на человека интеллигенции, но это был человек рассудительный, по природе добрый и, думаю, на него можно было положиться.

Между собой все они—Плеханов, Дейч и Засулич жили душа в душу, составляя одно неразрывное целое. Говорят, таким же другом у них был и Стефанович, но я его уже у них не застал, так что не могу лично судить. Удивительно мне только, как могли сходиться такой типичный *народник*, Стефанович, с таким завзятым социал-демократом, как Плеханов. Правда, что Стефанович обладал необыкновенным уменьем понравиться, войти в душу человека.

Мои воспоминания о Плеханове не относятся ко временам его наибольшего политического значения. Но я знал его человеком вполне сложившимся, и конечно он, как личность, остался до конца тем же, каким я его знал. Судя по немногим газетным сведениям за последние месяцы и дни жизни,—я и вижу, что он остался тем же самым. Его честное, энергичное и умелое служение русскому рабочему классу заслуживало бы для него лучшего конца, чем тот, который был ему дан. Мне было очень грустно чи-

тать описание его последних дней, отравленных разочарованием. Но, правду сказать, справедливость не есть удел нашей жизни, по крайней мере справедливость, так сказать, механическая. Люди получают свое воздаяние более сложным образом.

II [25]).

Никто не служил революционной организации русских рабочих так долго, энергично и успешно, как Плеханов. И никто не испытал таких тяжелых разочарований, как он. Главный инициатор и центральный деятель по организации пролетариата, Плеханов, казалось бы предназначен был к выдающейся роли в правительстве, выражавшем прежде всего власть рабочего класса. Немедленно после переворота, низвергшего императорскую власть, он и поспешил в Россию, вместе со своими ближайшими друзьями (Верой Засулич и Львом Дейчем). Но здесь он увидал положение вещей, которого не ожидал, и в котором, повидимому, не умел даже ориентироваться. Слишком долго он зажился заграницей и уже не знал реальной России. В первый момент он и Вера Засулич были встречены очень горячо, с некоторыми манифестациями. Временное Правительство предлагало Плеханову даже видные должности. Он и занимал недолго какую-то. Но он думал, что настоящее его место может быть только среди рабочих, и сверх того, просто не понимал, какую разумную работу можно вести в разбушевавшихся стихиях революции. Все кругом было не таково, как он представлял себе, размышляя где нибудь в Женеве или Цюрихе о торжестве революции в России.

По его убеждениям торжество социалистического

строя и диктатура пролетариата должны были явиться только тогда, когда капитализм успел бы обобществить производственные силы, когда фабрики, заводы, сельскохозяйственные предприятия и т. д. сосредоточатся в руках немногочисленного слоя капиталистов, а огромное большинство трудящихся превратится в городе и деревне в пролетариев. В такой момент пролетарии изгоняют капиталистов и берут в свои руки все промышленные и сельскохозяйственные предприятия. При таком перевороте производство почти не потрясается, не расстраивается, а идет по прежнему, с той разницей, что вместо горсти капиталистов хозяином экономической жизни является коллективный собственник—рабочее государство. Но в России капитализм еще слишком слаб и далеко не успел организовать производственные силы страны, а огромное большинство рабочего народа составляет частных собственников. Следовательно пролетариат в таком положении не должен брать в свои руки диктатуры, которая его только скомпрометировала бы, а должен воспользоваться революцией лишь для обеспечения себе влиятельного положения в правительстве, пользуясь этим для улучшения своего положения и развития своей организации, отнюдь не мешая капиталу продолжать экономическую организацию страны.

Так гласит теория, так думал и Плеханов. Но действительный ход революции не имел ничего общего с требованиями теории.

Серьезно говоря, из всех тогдашних партий—только одни большевики сохранили понимание *государственности* и значение *силы* для существования государства. Но они несли с собою идею *коммунистического государства,* и, правильно понимая значение принуж-

дения, насилия, до крайности преувеличивали это значение, веря, что насилием можно создать все, даже и то, чего нет в обыкновенных условиях жизни.

Но Плеханов, убежденный в невозможности коммунизма при наличных условиях русского производства, считал роковой ошибкой попытки создать диктатуру пролетариата. Он находил необходимым скорейшее воссоздание национального государства и восстановление порядка, как условие для организации прочной рабочей социал-демократической партии. Поэтому его приводила в ужас хаотичность революции, неспособность Временного Правительства воссоздать государство, и быстро возрастающее влияние большевистской партии среди рабочих. Он хотел оградить рабочих от этого влияния и немедленно по приезде в Россию вступил в борьбу с большевиками. С самого начала у него возникло столкновение с самим Лениным.

Правительство со своей стороны стало преследовать большевиков, но крайне вяло. Керенский был вообще не государственный человек, а остался у власти таким же болтуном адвокатом, каким был раньше, воображая побороть кипящие революционные страсти красноречивыми речами. Ленин был объявлен государственным преступником, но Керенский сам помог ему бежать в Финляндию, чтобы не быть вынужденным его арестовать, а потом, когда стих шум правительственных фраз против большевиков, сам же дал Ленину знать, что он может возвратиться безопасно в Петербург *). При таких условиях силы большевиков, в начале очень малочисленных, непрерывно

*) Все изложенное здесь Тихомировым относится к области обывательских выдумок, не имеющих за собой никаких фактических данных.

возрастали. Плеханов совершенно бесплодно ратовал против них на рабочих собраниях, и только все больше терял свою популярность.

В Петербурге старые воспитанники Плеханова, наиболее развитая часть рабочих, склонна была принять его призыв к тому, чтобы рабочие сомкнулись в социально-демократическую партию, отграничив себя и от анархистов и от большевиков. Но большевики распространяли между рабочими такое возражение против требований Плеханова, что в данный момент, когда идет борьба революции с контр-революцией, нельзя разрознивать революционных сил, а следует всем итти дружно, не обращая внимания на частные разногласия. Это соображение оказывало огромное воздействие на рабочих, и подрывало все усилия Плеханова. Он видел, что старается в пустую, и возлагал все надежды на то, что с течением времени страсти улягутся, умы успокоятся, и тогда можно будет приступить к правильной организации социальной демократии. Но события шли все crescendo, большевики разогнали Учредительное Собрание, вооруженной рукой захватив Петербург и Москву...

Большевики, хотя и с неудовольствием, допустили выступление Плеханова. Но оппонентом ему явился сам Зиновьев, одна из лучших сил коммунистической партии. Диспут происходил пред многочисленным собранием рабочих в Петербурге. Я, конечно, знаю о происходившем только по рассказам. Плеханов доказывал невозможность введения в настоящее время коммунистического строя, потому что большинство русского населения — крестьяне — составляют чисто буржуазный элемент, и во всей стране труд еще очень

мало обобществлен капитализмом. Попытка введения при таких условиях коммунизма привела бы только всю страну в раззорение и совершенно скомпрометировала бы социалистическую идею. Зиновьев возражал, что взгляды Плеханова являются уже отсталыми после произведенного в России опыта коммунистического переворота. Если народ иногда не знает коммунистической идеи и ей не сочувствует, то власть, выражающая диктатуру пролетариата, должна разъяснить народу блага коммунизма, и понудить массу крестьянской буржуазии подчиниться вводимому опыту. Несочувствие постепенно исчезнет в старшем поколении, а молодое, выросшее при коммунизме, будет смотреть на новый строй, как на свой родной.

Последовать же советам Плеханова, это значило бы уничтожить все завоевания революции, восстановить власть буржуазии и отдать рабочих в ее руки.

В частных беседах многие рабочие соглашались с Плехановым, но публично не поддерживали его, и собрание высказалось против него. При постановке вопроса, данной Зиновьевым, Плеханов оказывался врагом революции. Итти за ним значило бы итти против Советской Республики. Понятно, что для коммунистов было бы крайне неприятно поступать как с преступником с человеком так много послужившим рабочему делу. Но и деятельность его, объявляемая вредною, становилась невозможной. Рабочие от него отшатывались, потому ли, что разделяли взгляды Зиновьева, потому ли, что боялись вступать в борьбу с Советской властью. Вероятно, было и то и другое, но как бы то ни было Плеханов остался всеми покинут и одинок [26]).

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Плеханов был зачислен студентом Горного Института в 1874 г., оставил институт зимой 1876 г.; 6 декабря этого года им была произнесена первая политическая речь на Казанской площади, после чего Плеханов стал скрываться.

[2]) Другую характеристику отца Г. В. дает рассказ матери *Семашко,* сестры Г. В. по отцу. «Отец Г. В., Валентин Петрович, был человек большой энергии, трудоспособности и в то же время человек «крутой», деспотичный, вспыльчивый, с сознанием собственного достоинства». По мнению Н. Семашко Г. В. унаследовал от отца кипучий революционный темперамент, от отца же он унаследовал и свою выдающуюся работоспособность. (Каторга и Ссылка, 1923, 7, стр. 34). *Дейч* также говорит: «Отец его, — деспотически строгий, требовательный и аккуратный, при этом благородный, умный и для своего времени довольно образованный отставной штаб-ротмистр гусарского полка» (*Дейч.* Г. В. Плеханов, вып. I, 1922 г. стр. 7). Более отрицательную характеристику, приближающуюся к рассказу Тихомирова, дает сводный очерк *Вольфсона.* У него сказано об отце Плеханова так: «Натура властная и деспотичная. Крепостных умел сгибать в ярмо, нередко тиранил. По сведениям, которые собрала посланная на родину Г. В. комиссия, крестьяне своего сурового барина боялись и ненавидели; помнящие его старики до сих пор говорят о нем с бешеной злобой:—«прямо зверь, спуску от него не было». «Умел отдаться и бурному порыву веселья: ворваться на свадьбу к незнакомым людям, взбудоражить остротами, шутками, прибаутками всю толпу веселящихся, проплясать ночь—таков был стиль Валентина Петровича. Крепкий, домовитый хозяин, он время от времени платил дань и залихватской гусарской удали». (*С. Вольфсон.* Плеханов, 1924, стр. 3 и 5). По воспоминаниям сестры Г. В. сравнивал своего отца с князем Болконским (Группа «Освобожд. труда», Сб. 1 стр. 84—85).

[3]) *Ленин* характеризует отрицательные стороны Плеханова так: «он действительно подозрителен, мнителен и rechthaberisch do nec plus ultra» «...он проявлял ненависть, доходившую до неприличия (заподозривание в шпионстве, обвинение в гешефтмахерстве»... и т. п.). Впечатления Ленина относятся к 1900 г. см. *Ленинский сборник* под ред. Каменева, стр. 34—35.

[4]) По синхронистической таблице *Вольфсона* женитьба Плеханова на Боград отнесена к 1879 г. (Вольфсон, стр. 336).

[5]) *Дейч* вспоминает: *Лавров* рано оценил... ораторские дарования Плеханова: не помню уже по какому поводу, Петр Лаврович сказал однажды: «А из вас, Г. В., *хороший* вышел бы адвокат». Сказал он это, насколько могу припомнить, не в укоризненном, а в похвальном смысле (*Дейч*. Плеханов, стр. 62).

[6]) Так, например, на фабрике Торнтон. Эта стачка с участием Плеханова подробно описана *М. Поповым* (см. «Голос Минувшего».—*К истории рабочего движения в конце семидесятых годов* 1920—21, стр. 72—84).

[7]) После демонстрации на Казанской площади (6/18 дек. 1876).

[8]) *Аптекман* на ряду с Ал. Михайловым называет Зунделевича и Квятковского (*Аптекман*. Общество «Земля и Воля», стр. 358). *В. Фигнер*, перечисляя имена землевольцев, стоявших на точке зрения необходимости активной борьбы с правительством, устанавливает петербургскую группу в след. составе—Ал. Михайлов, Н. Морозов, Квятковский и Ошанина (*Фигнер*. Запечатленный Труд, I, стр. 124—125). *Дейч* пишет: «к Михайлову... стали присоединяться поборники террора. Наиболее видными из них явились, как известно, Квятковский, Аарон Зунделевич, Лев Тихомиров и, в особенности, Н. Морозов (*Каторга и ссылка*, 1923, 7, стр. 10).

[9]) *Аарон Зунделевич* («Мойша»)—член «Земли и Воли» и «Народной Воли»; умер в Лондоне 30 авг. 1923 г.

[10]) *Ширяев* был принят в члены «Земли и Воли» на Воронежском съезде (*Аптекман*, стр. 199).

[11]) Плеханов эмигрировал в январе 1880 г. Непосредственной причиной отъезда была усиленная слежка, становившаяся опасной для группы чернопередельцев; почти вся группа эмигрировала тогда заграницу.

[12]) По свидетельству *Аптекмана* Плеханов, наоборот, принимал деятельное участие в Воронежском съезде, приведшем к распадению землевольцев на две группы. Относительно политических убийств Плеханов произнес очень страстную речь. На другой день им был прислан весьма выразительный протест («Земля и Воля», стр. 372; см. также *Ельницкого* Плеханов, 1906 г., стр. 14). В своем специальном очерке «*Плеханов*» (стр. 32) Аптекман пишет: «Никто не говорил так увлекательно и сильно, как Плеханов, хотя и были другие выдающиеся ораторы, как Желябов. Речи Плеханова вносили живую струю в дебаты и сделали сессии конгресса очень интересными и содержательными».

[13]) 28 января 1880 г. (у Аптекмана ошибочно 29 января).

[14]) На самом деле статья была написана в России. *Аптекман* вспоминает так: «Нам надо было торопиться выпуском первого номера органа. Плеханов должен был написать руководящую, программного характера, статью. Ему это ничего не стоило. Он на моих глазах, в моей квартире, с удивительной быстротой написал передовицу. Как теперь я вижу его из моего маленького кабинета сидящим за столом столовой и пишущим. Четвертушки почтовой бумаги, исписанные его характерным почерком, так и ложились торопливо одна на другую. Меня даже досада взяла. «Где же мне угнаться за тобою?»—воскликнул я, обернувшись к Плеханову. «Пиши, пиши, Осип, знай не ленись!»—раздался мне вслед бодрый и веселый ответ Плеханова. Дня через два он написал, в дополнение к руководящей статье, другую подробную программную статью». («Земля и Воля», стр. 394—5).

[15]) По этим и следующим строкам Тихомирова ясно видно, что бывший редактор «Московских Ведомостей» остался до конца верен своей прежней оценке марксизма. Это заставляет его делать и ряд фактических ошибок. Сказать, что Плеханов не интересовался ни философией, ни искусством, это значит признавать только свою философию и искусство. Теперешние представители истории литературы не напрасно указывают, что Плеханов был первым, применившим марксистский метод к изучению фактов историко-литературных. Он написал целый ряд этюдов по истории литературы. Что касается философии, то Плеханов сейчас наиболее авторитетный мыслитель в области обоснования отправных точек зрения философского материализма. Не даром Ленин рекомендовал пролетарской молодежи в первую голову изучать Плеханова, как учителя в философии марксизма.

IV

[16]) О крайней нужде, которую пришлось пережить Плеханову в первое время пребывания заграницей см. *Вольфсон*, стр. 62—65.

[17]) В письме от 30 мая 1880 г. из Женевы к Лаврову *Плеханов* писал по поводу брошюры Липского «Про те, як наша земля стала не наша»—«Согласно ли вышеприведенное *украинофильское мнение* с основными положениями социализма? По-моему нет». И далее: «Главное то, что похвального листа украинофилам за то, что они морочат голову украинского мужика, я выдать не могу». (*Дейч*. Плеханов, 78—80).

[18]) *Дейч* писал об этом так: «Известно, что наша группа бывших «старых чернопередельцев», ставшая затем группой «Освобождения Труда», в течение двух с чем-то лет вела переговоры с Исполнительным Комитетом» о слиянии с «Народной Волей»... наше намерение не осуществилось не столько вследствие принципиальных разногласий с народовольцами,—они, повторяю, готовы были пойти на большие уступки—сколько вследствие практических, тактических соображений. Только убедившись в полной невозможности поладить с ними в этой сфере, мы решили прекратить переговоры о слиянии и выступить самостоятельной группой. Должен признаться что не столько Плеханов, сколько *я настаивал на последнем* «*Каторга и Ссылка*», 7, стр. 19; подробнее все эти обстоятельства излагаются Дейчем в статье *О сближении и разрыве с народовольцами*—Пролет. Револ., 8, (20), стр. 32—54).

[19]) В письме от 4 августа 1883 г. Тихомиров писал об этом *Лаврову* так: «Распространяться о том, как я старался привлечь Жоржа и как ценю его... считаю излишним: вы это должны были видеть очень хорошо; точно так же вы можете быть уверены, что, насколько зависит от меня, я постараюсь сохранить нам даже крохи его сотрудничества» (Сборник *Группа «Освобождение Труда»*, 246). Кроме одной рецензии (о Щапове) других статей Плеханова в «Вест. Нар. Воли» не появлялось.

[20]) *Ельницкий* писал по этому поводу так: «Заменивший Кравчинского Л. Тихомиров, хотя и расходился с Плехановым и его товарищами по многим вопросам, но благодаря ли особого рода «дипломатии», или просто вследствие беззаботности по части теорий, оказался настолько уступчивым, что соглашался в будущем объявить свой журнал сторонником социал-демократии; он только советовал пока повременить с этим, так как де русские революционеры крайне предубеждены против нее» (*Ельницкий*. Плеханов, стр. 18). Сам Плеханов писал Лаврову о слиянии народовольцев и бывших чернопередельцев так: «С самого начала наших переговоров мы не представляли себе, что соединение может произойти иначе, как в виде слияния двух групп, сближенных временем и ходом событий... в этом духе говорил я с В. И. (Василием Игнатьевичем Долинским звался Тихомиров за границей—П. П.). Теперь оказывается, что они нас не поняли... Разбиться на атомы, чтобы быть ассимилированными организацией Н. В., мы не считали и не считаем возможным... (чернопередельцев предлагали принимать *персонально* в организацию, не группой—П. П.). Роковая необходимость может заставить меня отказаться от дела, которому я сочувствую и желаю всякого успеха. Об этом я уже говорил В. И. и просил не претендовать на меня, если нужда заставит отказаться от редакционной работы» (Письмо 83 года см. *Дейч*. Плеханов, стр., 99—100). В последующем письме к Лаврову Плеханов писал резче: «Во всяком случае я с своей стороны сотрудничать у *Вас* (а не у Долинского) не прочь, но не знаю, удачно ли это будет для Вас? Мне очень жаль, что редактируемый *Вами* журнал есть Вестник *Народной Воли*. История, по поводу которой мы ездили в Париж (а наша поездка *оправдала вполне* наши подозрения) отняла у меня всякое уважение не к «партии» конечно, а к людям, ее здесь представляющим» (ibid., 101—1021). Упоминаемая в письме *история* есть инцидент с письмами Стефановича, попавшими в руки Тихомирова и Ошаниной. Письма эти, по воспоминаниям Дейча, были возвращены Тихомировым после заявленных в этом отношении требований и после поездки в Париж к Ошаниной. (*Дейч*. Плеханов, 108). О том, как Ошанина и Тихомиров решились на то, чтобы вскрыть письмо Стефановича в связи с обнаружением преступных действий последнего (поведение Стефановича в выдаче Богдановича и сношения с Плеве)—см. *Былое*, № 25, стр. 285 и предшест. Другой инцидент у Тихомирова с Плехановым произошел по поводу примечания, которым Тихомиров хотел снабдить статью Плеханова «Социализм и политическая борьба» (см. об этом, напр., у *Вольфсона*, стр. 68). Впоследствии сам Плеханов выделил особо значение приехавшего за границу провокатора Дегаева, по мнению Плеханова, влиявшего на Тихомирова.

(См. *Искру*, № 54—«Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли»).

[21]) См. о нем в 1-ом Сборнике *Группа «Освобождение Труда»*.

[22]) В этих словах очень рельефно обнаруживается Тихомиров, как идеолог «Московских Ведомостей». В эпоху реакции в России в 1908 г. Тихомиров писал в совершенно таком же тоне; так, после краткой характеристики пролетариата в брошюрке *Плоды пролетарской идеи*, Тихомиров заключает о марксизме прямо: «такова глубоко ошибочная точка зрения, которую развивает учение Маркса о «Классовой борьбе», будто бы составляющей основу истории человеческих обществ», (Стр. 31).

[23]) Этому приходится противопоставить следующие слова Плеханова, дышащие страстностью и озлоблением. Правда, написано это после отречения Тихомирова 1888 г. Плеханов писал: «г. Тихомиров жестоко ошибается. Своей эволюцией он обязан лишь своей *неразвитости*. Горе от ума—не его горе. Его горе есть *горе от невежества*. И этот-то человек, имеющий о социализме столько же понятия, сколько его имеет любой писец петербургского полицейского участка, долгое время считался пророком и истолкователем какого-то особого «русского социализма», который он охотно противопоставлял—западно-европейскому. Революционная молодежь внимала его рассуждениям, считая его продолжателем дела Желябова и Перовской. Теперь она видит, каков был этот мнимый продолжатель. Измена г. Тихомирова заставила наших революционеров критически отнестись к его *особе*. Но этого мало. Они обязаны теперь критически проверить все, *что писал* г. Тихомиров во все продолжение восьмидесятых годов... Много вздору наговорил, много вопросов запутал в течение этого времени г. Тихомиров. Теперь прощайте г. Тихомиров. Да пошлет вам здоровья наш православный бог, а наш самодержавный бог да наградит вас генеральским чином! (*Плеханов*. Сочинения, т. III «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова», стр. 82). Что касается годов совместной работы по «Земле и Воле», то *Аптекман* пишет о Плеханове и Тихомирове так: «Я только *теперь* понимаю, почему они оба так антипатичны были друг другу,—отчего en passant, и пошла редакторская склока, отчего из этого выросла рознь» и т. п. (*Черный Передел*, стр. 62).

[24]) О том, как Плеханов хаживал к Тихомирову в Морнэ (Mornex, Haute Savoie) есть указание в письмах *Плеханова* к *Лаврову*. «Статья» моя уже окончена и отправлена мною сегодня в Mornex Вас. Игн. (т. е. Тихомирову—П. П.). Завтра я сам иду к нему, и, потолковавши, мы отправим ее тотчас же Вам в Париж» (Письмо от 1/VIII 1883 г., см. *Дейч*. Плеханов, 99).

[25]) К основному тексту воспоминаний Тихомирова о Плеханове приложена еще одна тетрадка, где речь идет о Плеханове после его возвращения в Россию в 1917 г. Это, в сущности, скорее рефлексии над судьбой Г. В., нежели характеристика непосредственного наблюдателя—в 1917—18 годах Тихомиров Плеханова лично не видел. Другой недостаток их—неотделанность. За несколько дней до смерти, передавая рукопись, Тихомиров сверху написал *подлежит переделке*. В связи с этим мы берем оттуда лишь фрагменты. Они все же любопытны. С совсем своеобразной, анти-социалистической точки зрения, но Тихомиров кое-что отмечает очень метко.

[26]) Ср. слова *Стеклова* из некролога Плеханова. «Он был лишен высшего морального удовлетворения, доступного политическому деятелю: он не мог приобщиться к действительному движению класса, которому хотел служить. И это движение пошло мимо него, вопреки ему, обрекая его на роль бессильного и несправедливого критика... И Плеханову рок судил печальную участь—умереть не в рядах рабочего класса, не в пылу общей борьбы, рука-об-руку с пролетариатом, восставшим против царства неправды, а в стороне от него в атмосфере взаимного непонимания [*Известия*, 5 июня 1918 г. № 113 (377)]. Эту же мысль выразил *Зиновьев* в своей речи, произнесенной в заседании Петрогр. Совета: «второй Интернационал все-таки—прошлое, он умирает на наших глазах. Вот в чем заключается величайшая трагедия Плеханова. Вместе с тем, это есть трагедия целой плеяды, целого поколения мирных социалистов-просветителей, которые в течение целого периода вели борьбу за революцию с пером в руке, а, когда пришлось вести борьбу с оружием в руках, они оказались не на своих местах и тем самым оказались против рабочего класса» (Литер. сборник памяти Плеханова, стр. 15).

П. Попов.

———•••———